

Стенографический отчет (15 декабря 2009 г.)

XL Чтения гуманитарного семинара

SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS

на тему: «Проблемы изучения биографии

Бориса Федоровича Инфантьева»

с выступлениями и комментариями историка Бориса Равдина,
доктора исторических наук Татьяны Фейгмане,
историка Олега Пухляка, доктора философии Арнольда Подмазова,
библиофила Анатолия Ракитянского,
председателя Латвийского общества русской культуры
Елены Матьякубовой, журналиста Игоря Ватолина
Ведущий Чтений – Сергей Мазур

Сергей Мазур: Сегодня — 15 декабря 2009 г. В помещении Дома культуры «Иманта» в библиотеке Латвийского общества русской культуры открываются юбилейные XL Чтения гуманитарного семинара SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS, посвященные теме: «Проблемы изучения биографии Бориса Федоровича Инфантьева» (14 сентября 1921 — 18 марта 2009).

Прошло почти девять месяцев после того, как от нас ушел Борис Федорович. Обращение к биографии, к проблемам в ее изучении вызвано следующим обстоятельством: отсутствием, на мой взгляд, объективной оценки вклада Б. Инфантьева в русскую культуру Латвии. В 21 номере Альманаха SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS опубликован автобиографический очерк Б. Инфантьева. Альманах начал издаваться с 2004 г., а с 1997 г. произошел настоящий прорыв в творчестве Бориса Федоровича, т.к. его статьи о фольклоре, об истории русской культуры впервые увидели свет как в Польше, так и у нас в Латвии. Поэтому с момента существования Альманаха мы сосредоточились на статьях биографического толка, в которых отражались наиболее важные этапы жизни Б. Инфантьева. Важной вехой в этом деле стала публикация наших коллег в третьем номере журнала «Даугава» за 2000 г. автобиографического очерка «Curriculum vitae» и подготовленной И. Михайловым брошюры, изданной в 2004 г. «Борис Федорович Инфантьев: жизнь и труды. Био-библиографический указатель» и повторенной в книге «Балто-славянские культурные связи: лексика, мифология, фольклор» 2007 г. издательства «Веди». Предлагаю познакомиться с планом изучения

биографии Б. Инфантьева, которая классифицирована: 1) по периодам его жизни — детство, государственный переворот 1934 г. и последовавшие за переворотом изменения, учеба в Рижской латышской классической гимназии (Первая правительственная) (1934—1940 гг.), 1940 — 1941 гг. (до начала Великой Отечественной войны), Вторая мировая война, период советской власти в Латвии и Период Второй Латвийской Республики (1991-2009); 2) биографические источники; 3) лица, оказавшие наиболее значимое влияние в его жизни. Из списка отмечу подвижника старообрядчества Ивана Никифоровича Заволоко, преподавателя Латвийского университета Людмилу Константиновну Круглевскую, близкого друга и соратника Александра Германовича Лосева; 4) наиболее важные события в том или ином биографическом периоде.

План изучения биографии Б. Инфантьева Детство (1921 — 1934 г.)

а) Биографические источники:

«Хождение по верам», «Через тернии к звездам».

б) Роль религиозного воспитания (индифферентность родителей, немецкий детский сад при Лютершуле.

в) Лица, связанные с периодом детства — о. Евстратий Рушанов, «благочестивая вдова» Анна Петровна Воробьева, «наставница в вере» Анна Савельевна Васильева.

г) Основная школа при русской частной гимназии Ольги Эдуардовны Беатер.

д) Школьный монархизм, антисоветизм, отношение к латвийскому государству.

е) Религиозное воспитание в школе и его неэффективность.

Государственный переворот 1934 г. и последовавшие за переворотом изменения

а) Биографические источники:

«Хождения по верам», «Русский язык и русская культура в Латвии в 20—30-е годы», «Через тернии к звездам», «Политический анекдот — мощный фактор интеграции».

б) Лица, связанные с периодом 1934 г. — розенкрейцеры, поселенцы Земгале и Курляндии.

в) Анекдоты про Карлиса Улманиса. Рижская латышская классическая гимназия (Первая правительственная) (1934—1940 гг.)

а) Биографические источники:

«Через тернии к звездам», «Русский язык и русская культура в Латвии в 20—30-е годы», «Curriculum vitae», «Странички из воспоминаний об Иване Никифоровиче Заволоко», «Хождение по верам».

б) Лица, связанные с периодом 1934-1940 гг. — директор русской правительственной гимназии Георгий Петрович Гербаненко, учительница Клавдия Ивановна Яковлева, И.Н. Заволоко, теософ и сельская учительница Алиса Гутмане, конфирмандка Мария Краузе, наставник кафедрального Христорождественского собора Иоанн Янсон.

в) Еврейский вопрос. Школьная цензура. Почему школьная учительница заставляла учеников вычеркивать реплики евреев из комедии Юрия Алунана и Рудольфа Блаумана?

г) Монархизм в школе.

д) Антисоветизм.

е) Национальный вопрос в школьном обучении.

ж) Почему Б.Ф. Ифантьев поступил учиться в Первую правительственную гимназию, отношение к нему преподавателей и учеников.

з) Отношение к русскому языку и литературе.

и) Вопрос профориентации. 1940 — 1941 гг. (до начала Великой Отечественной войны)

а) Биографические источники: «Через тернии к звездам», «Curriculum vitae»,

б) Лица, связанные с периодом 1940—1941 гг. — Людмила Константиновна Круглевская, руководитель славянского отделения, профессор Анна Абеле, профессор Эндзелин.

в) Классическое отделение филологического факультета Латвийского Университета (ЛУ).

Отношение к переменам в университете
Б.Ф. Ифантьева после июня 1940 г.

Вторая мировая война

а) Биографические источники: «Curriculum vitae», «Русские в оккупированной гитлеровцами Латвии. Беседа современника», «Светлой памяти Людмилы Константиновны Круглевской».

б) Лица, связанные с периодом Второй мировой войны:

Проректор университета профессор Карлис Страуберг, полицейские — полковник 15 дивизии СС Роберт Осис, друзья лейтенант Штейн и Пудник; Людмила Константиновна Круглевская, профессор Э. Блесе, профессор Эндзелин, профессор Я.А. Янсон, доктор Фукс, мать Зинаида Ивановна, профессор Ленинградского университета Виктор Григорьевич Чернобаев.

в) Угроза репрессий.

г) Студенческий профсоюз.

д) Религиозное возрождение.

е) Призвание быть фольклористом.

ж) Отношение к «Строителям Новой Европы», немцам, власовцам, легиону СС.

з) Холокост.

Период Советской власти в Латвии

а) Биографические источники: «Иван Янис Михайлов. Борис Федорович Ифантьев. Краткая биография», «Три недели с парнями Арайса», «Светлой памяти Александра Германовича Лосева», «Из архивной папки «Юрий Иванович Абызов».

б) Лица, связанные с периодом Советской власти в Латвии — Мария Фоминична Семёнова, Штейн и Пудник, Александр Германович Лосев, Юрий Иванович Абызов.

в) Институт фольклора в Риге.

г) Советские репрессии.

д) Реформа преподавания русского языка в латышской школе и в Советском Союзе.

е) Газетная публицистика.

Период Второй Латвийской Республики (1991—2009)

а) Биографические источники: «Иван Янис Михайлов. Борис Федорович Ифантьев. Краткая биография»; «Авторецензия на книгу «Балто-славянских культурные связи».

б) Лица, связанные с периодом Второй Латвийской Республики — Александр Германович Лосев, Иван Янис Михайлов.

в) Проблема публикации наследия Б.Ф. Ифантьева при жизни;

г) Отношение к наследию Б.Ф. Ифантьева со стороны латышской интеллигенции;

д) Отношение к наследию Б.Ф. Ифантьева со стороны русской общественности.

Классификация жизненных периодов Бориса Федоровича возникла исключительно из логики публикаций в Альманахе, из автобиографических статей, заметок самого Бориса Федоровича. Таким образом его жизнь оказалась разделенной между шестью разными периодами, связанными с политическими событиями Латвии, Советского Союза и Европы. Это разные, непохожие друг на друга этапы жизни. В детстве главная тема раскрывается в воспоминаниях, размышлениях Бориса Федоровича о религиозном воспитании. Это чуть ли не единственная тема первого периода жизни.

Все фигуры, появляющиеся в воспоминаниях, связаны исключительно с религией — либо с православием, либо со старообрядчеством. Те периоды, которые охватывают с 1934 г. по 1940-й г., хотя и оставляют существенное место для экзистенциальных вопросов, связанных с выбором веры (вспомним специальный очерк, посвященный преподавателю латвийского университета и другу, наставнице в вере Людмиле Константиновне Круглевской), но наряду с религиозным вопросом появляется то, что сегодня русским людям, живущим в Латвии, покажется близким в общественно-политическом измерении.

Например, отношение к латышскому и русскому языку в Первой республике. В Первой правительственной гимназии он учился на латышском языке. Первая мысль, с которой Борис Инфантьев пришел в гимназию — а что с ним будет? Его высмеют как русского, прогонят из школы преподаватели или ученики?

Появляются темы, которые сегодня вряд ли кто-нибудь осмелится связать с именем Бориса Федоровича. Например, кто сегодня сможет подумать об Инфантьеве как ученике розенкрейцеров или участнике сеансов спиритизма? Оказывается, без розенкрейцеров и спиритизма нельзя осмыслить биографию Бориса Федоровича на втором и третьем этапе его жизни.

1940 год открывает новую тему — отношение Бориса Федоровича к власти, не только к советской власти, над которой он не устает иронизировать, но к власти в Первой, Второй Латвийской Республике.

Вторая мировая война — наиболее значимая тема в жизни Бориса Федоровича. Здесь

мы столкнемся с проблемами, которые остаются нерешенными до сей поры — отношение к власовцам, легионерам, к коллаборационизму, Холокосту, советским партизанам... Недаром Борис Федорович возвращался к теме войны даже в последние годы своей жизни, переводя произведения латышских писателей на русский язык в своей неизданной книге «Миф о русских в латышской литературе».

Это уже новая тема, русско-латышских литературных связей. В свое время переводами с латышского языка на русский литературных произведений занимался журнал «Даугава». После его закрытия, наверное, единственный, кто профессионально работал в данной области, был Борис Федорович Инфантьев. Книгу, или точнее подборку статей, которую я назвал «Миф о русских в латышской литературе», оставил после себя Борис Инфантьев. Их публикацию я отодвигал и отодвигаю из-за сложности подготовки.

Сотрудничать с Борисом Федоровичем я стал, когда он был уже в достаточно пожилом возрасте. В последние годы он предоставлял мне рукописи в довольно-таки неряшливом виде. Не потому, что возраст не позволял работать более скрупулезно. У него были такие проблемы, которые нормальному пишущему человеку представить себе невозможно. Могли бы вы напечатать статью на печатной машинке без ленты, через копирку? Первая страница, которую он печатал, оставалась белой, а на второй копировался текст. У Бориса Федоровича даже в таких обстоятельствах получались неплохие тексты, но требующие, конечно, редакторской обработки.

То, что еще сдерживает возможность опубликования рукописей — использование Б. Инфантьевым в своих текстах нескольких языков. При жизни еще можно было обратиться к нему с вопросом — а правильно ли я напечатал на немецком, литовском, польском языках. Сейчас обращаться с таким вопросом не к кому.

Мешают и идеологические представления, которые у меня, как редактора журнала, сидят в голове, т.к. я разделяю — это хорошее, это плохое. Борис Федорович поступал как историк: положительно или отрицательно латышский писатель оценивает русских, живущих в Латвии? Борис Федорович переводил все, независимо от оценки автора, писателя.

Выкурив махорку, русские поднялись, пожелали успеха и поспешно ушли.

Советские порядки в Курземском Мешке отстаивали не только оставшиеся красноармейские подразделения, то ли части регулярной армии, в какой-то мере имевшие или уже потерявшие связь с командованием, то ли даже прямые дезертиры, но и латыши из бывшей местной партийной и административной номенклатуры. Через совсем непродолжительное время «изба лесника» снова была удостоена посещения, на сей раз другим командиром. (Б.И.)

Стр. 339. Как только айсарги на один день отлучились, вечером появился другой атаман, не тот, что тогда был в доме лесника. Назвал даже свое имя: Федя. Самый сильный и могущественный из всех партизан. Мы опять сидели с поднятыми руками, и бойцы Федя искали наше спрятанное оружие. На сей раз были вконец изголодавшиеся новички. Брали даже одеяла. Сильвия отстаивала свое теплое широкое одеяло. Когда русский его взял, она вцепилась в другой конец и рвала из рук русского. Партизан скользил по полу и ругался. Но он был сильнее. И это не все. На другой день пришли немцы по следам Федя. Двое «проверяли» хозяйскую клеть. Там лежал и кусок нашего оленя, которого выменял Язеп. Немцы все же конфисковали только половину оленя.

Стр. 347. Виргис открыл двери землянки. Старший лейтенант Федя во всех погонах сидел у «чугунки». На одной постели отлеживался его дедушка, на второй — молодой паренек, чистильщик ремней. Сегодня утром бурбульцы (латышская полиция, действовавшая под руководством немецкого командования, — Б.И.) увезли всех троих, чтобы сдать немцам.

Немцы отдали Федю власовцам. У них своя единица охраны в соседней волости. Они берегут Федю, как героя. Он уже вместе с власовцами ходит собирать «пошлину». Те же самые киргизы и татары днем с власовцами, ночью партизанят. Кое-кто стал уже миллионером. По ночам беженцев очищают от колец, ожерелий, шуб, царских золотых монет. Днем от свинок и овечек. У такого может быть полный воз, и он нанимает несколько монголов, которые охраняют его имущество. А Федя обещает с Бурбуля живого содрать кожу, как только его поймает. А Бурбулис теперь великий. Немцы теперь ему доверяют. Дали ему кусок берега охранять. Насилия и грабеж, чинимые советскими партизанами, не вызывают у автора романа гнева и ненависти. Скорее нотки юмора чувствуются в его рассказах. Но это уж особенность его творчества, как об этом было уже сказано.

Продолжение стенографического отчета

Биография Бориса Федоровича до окончания Второй мировой войны представлена довольно-таки подробно. То, что касается советского периода и последних 20 лет жизни, лишено пласта воспоминаний.

Я с трудом уговорил написать воспоминания о А.Г. Лосеве, т.к., по-видимому, отношения между ними были непростыми, а писать о плохих сторонах жизни Борис Федорович не любил. Поэтому к концу жизни не удалось скопить достаточно много материала, из которого можно было бы сложить монумент русской культуре Латвии.

Какое-то время тому назад в Балтийской международной академии в кабинете «Русского мира» завязался разговор о том, можно ли сделать из Бориса Федоровича символ русской культуры Латвии. Здесь-то как раз возникла заминка. Заминка возникла из-за того, что наследие оказалось несобраным. Трудность возникает еще в том, что Борис Федорович жил и работал в разные эпохи и творил он в стилистике, более приемлемой для 50-60-х гг., а не для XXI века.

Даже на фоне возникшей дискуссии о роли личности, думаю, вклад Бориса Федоровича в русскую культуру неоспорим. Он не был философом и методологом культуры, но по охвату тем он незаменим. Поэтому изучение наследия Бориса Федоровича — одна из ключевых задач русской культуры в Латвии.

Есть еще один аспект, который, на мой взгляд, необходимо учитывать. За пределами Латвии все больший интерес проявляют к нашей русской культуре. Буквально через несколько дней после нашего семинара Татьяна Дмитриевна, Арнольд Андреевич, Олег Николаевич, Анатолий Тихонович, как я знаю, вы отправляетесь в Москву, в Дом Русского зарубежья со своей известной выставкой «Русские в Латвии». В нашем сегодняшнем семинаре участвует американский антрополог Александр Беляев, который профессионально занимается изучением русской культуры в Латвии, от бывших моих учеников я получаю письма с просьбой дать консультации, т.к. их заставляют писать рефераты о русской культуре в Латвии. Буквально три-четыре месяца назад у нас в Риге в связи с научной командировкой гостила доктор лингвистики из Эдинбурга Кристина Ужуле, специально собиравшая интервью о русской культуре в Латвии, из фонда российского политолога И. Бунина пару месяцев назад брали интервью по вопросу «Русская культура и предпринимательство». Русская культура востребована, но для

чего она необходима, в связи с чьими целями, планами, программами... это уже иной вопрос.

Но вот если посмотреть, как она представлена хотя бы в российском информационном пространстве, было бы неплохо осознать нашу ответственность за такого рода образ русской культуры. Недавно я был в Москве на Всемирном дне философии и приобрел монографию, написанную доктором исторических наук, ректором РГГУ Е.И. Пивоваром «Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии» (М.: РГГУ, 2008). Книга вызвала крайне неприятное впечатление. Не просто неряшливая монография, но еще и вписанная в идеологический контекст, и она будет определять представления российских студентов о русской культуре Латвии. Пусть лучше молодое поколение российских студентов ничего не знает о русской культуре в Латвии, чем будут повторять то, что позволил себе написать уважаемый ректор.

Задача самопрезентации русской культуры в Латвии, то, что вы будете делать в связи с выставкой «Русские в Латвии» в Доме Русского Зарубежья — важная культурная и общественная задача.

Вернемся к теме «Проблемы изучения биографии Бориса Федоровича Инфантьева». Позвольте задать вопрос: что, кроме опубликованных литературных, исторических, краеведческих, фольклорных материалов должно быть включено в биографические источники изучения творчества Бориса Федоровича Инфантьева?

Борис Равдин: Не знаю, что сказать. Если говорить о материалах, то нужно смотреть Резекне, начало. Это важная часть биографии Бориса Федоровича, которая нам не совсем ясна. Например, если не ошибаюсь, Б.Ф. имеет отношение к известному советскому военному деятелю Венцову, уроженцу Резекне. М.б. стоит внимательнее отнестись к рассказам Б.Ф. о том, что его двоюродный дед по отцу — П. Инфантьев, — был командующим Туркестанским военным округом. Что-то любопытное может найтись в архиве Латвийского университета. Но м.б. ключ к биографии Бориса Федоровича лежит не столько в материалах, сколько в том времени, через которое ему пришлось пройти. Мне кажется, что задуман был Борис Федорович замечательно. Замысел был хорош и в отношении талантов и способностей, и трудолюбия не занимать, и память замечательная, и неостывающая любознательность, и внешний вид соответствовал герою, который мог бы войти в пантеон деятелей русской культуры, и не только в местный пантеон. И здоровье, и голосовые данные,

и жестикуляция, и мимика, независимая походка, не говоря уж о полноценном долголетии — все говорило о том, что природа позаботилась о Б.Ф. А исполнение, по независимым от Б.Ф. обстоятельствам, случилось не самое полное. Он родился, жил на перекрестке русской, латышской, еврейской, немецкой культуры, на перекрестке политических эпох и культур. Считается, что перекресток — это хорошо. Но в случае с Б.Ф. — хорошо, да не очень, уж больно ветры сильные, сдувает. По-моему, Б.Ф. не смог окончательно сориентироваться — где же его место на этом самом перекрестке, точнее — так наз. ветры истории не позволили ему реализовать изначально заданный вектор. Его биография, если говорить о его научной биографии, на мой взгляд, оказалась смещенной историей, история ограничила его возможности в науке. Б.Ф. был человеком, который исповедовал — всякая власть от Бога, точнее, был, как и положено ученому, достаточно индифферентен к власти. Но власть не слишком заботилась о том, чтобы дать ученому работать в меру его сил, наоборот — только и занималась тем, что ограничивала его возможности. Сетка XX столетия наложилась на биографию Бориса Федоровича Инфантьева и испортила замысленную для него сверхкурьеру. Б.Ф. сделал немало, но мог сделать куда больше. Конечно, мы нуждаемся в пантеоне, так сказать, местных деятелей культуры. Но мне кажется, что этот пантеон мы собираем не всегда в соответствии с теми требованиями, которые пантеон предлагает.

Олег Пухляк: Нужно поднимать архивы и начинать с гимназии О. Беатер, в которой учился Б. Инфантьев. Наверное, там не много материала, но какие-то следы его ученической деятельности мы найдем.

Татьяна Фейгмане: Я сомневаюсь, что архивы гимназии О. Беатер сохранились.

Олег Пухляк: Я дополню. Моя дипломная работа называлась «Русские молодежные организации Латвии в 20-е и 30-е гг. XX века». Я пришел к выводу, что архивы существуют. Может быть не столь подробные, чтобы на каждого ученика получить подробную информацию...

Татьяна Фейгмане: Можно что-то найти, если очень сильно повезет.

Сергей Мазур: Какого рода документы можно обнаружить в этих школьных архивах?

Олег Пухляк: Это могут быть различ-

ные благодарности, грамоты, ведомости об успеваемости, прошения родителей.

Мы в свое время делали выставку в Балтийском институте «Русские традиции в Латвии».

При подготовке к выставке мы использовали рабочие ученические тетради, блокноты, адресные книги с пожеланиями были переданы Борисом Федоровичем на организацию этой выставки. Тогда мы надеялись создать Русский музей в Риге. Для музея создавался фонд источников, в том числе и Б. Инфантьевым.

Борис Федорович был щедрым человеком, и его материалы в нашем городе обнаружили в разных руках, начиная от его статей, использовавшихся по-разному, в том числе и нечестно. Его студенты также могут стать одним из источников изучения биографии Б. Инфантьева.

Русской тематикой я начал заниматься в университете уже после службы в армии и тогда же услышал о светоче русской культуры — Б. Инфантьеве. Случай познакомиться с Инфантьевым представился мне в 1995 — 96 гг., когда группа единомышленников искала возможность открыть общество, позволяющее академическим образом изучать историю русских в Латвии, т.к. было понятно, что университет в Латвии не будет заниматься интересующими нас темами. Мы столкнулись с идеей создания фонда славянской культуры и письменности. Как потом оказалось, один подобный фонд уже существовал в Риге и в нем уже предложили Борису Федоровичу стать президентом. Мне, не знаю точно почему, предложили место первого вице-президента фонда (в то время я еще не проявил себя выступлениями и публикациями). Олегу Вовку предложили место второго вице-президента, который, собственно, и должен был стать настоящим руководителем фонда. Именно тогда я узнал двор на Рупниецибас, в котором располагалось общество и где проходили его заседания.

Борис Федорович серьезно воспринял предложение, но вместо работы в обществе пошла не совсем корректная борьба за власть, и мы столкнулись с тем, чем иногда бывает русская общественность в Латвии.

Борис Федорович в этой ситуации проявил себя как настоящий интеллигент: не повышая голоса, заявил о выходе из этой организации. Мы решили создать новую структуру и в 1996 году юридически оформили Рижское славянское историческое общество. Первое большое дело, которое осуществили общество — провело юбилей Бориса Федоровича Инфантьева. Во время юбилея мы столкнулись с тем,

что Б. Федорович оказался кросс-культурной фигурой. В его 75-летнем юбилее участвовали не только русские, но и евреи и латыши...

В Рижское славянское историческое общество президентом был Борис Федорович, занимавшийся методической работой, черновую работу приходилось выполнять мне. Поражала глубина знаний... Историю я еще могу оценить, а лингвистические знания Бориса Федоровича уже по ту сторону моего понимания. В качестве примера позвольте рассказать одну историю. Однажды Борис Федорович достал документ XIII или XIV века о том, как русские и немецкие купцы находили друг с другом общий язык. Документ для историка очень ценный, и его Борис Федорович читал очень медленно. Мне показалась, что так и должен размеренно читать пожилой человек. Мне стало интересно, а чем заканчивается документ? Зашел со спины Бориса Федоровича и увидел печатный текст на латинском языке. Я тоже в университете учил латынь, но чтобы с листа читать и переводить на литературный язык... Переспросил — откуда вы так хорошо знаете латынь? На что Борис Федорович не меньше моего удивился. Ну, как же, в гимназии учили же латынь.

Анатолий Ракитянский: Документы необходимо искать в Академии наук, в государственном архиве. Кроме того, надо упомянуть архив выступлений на радио. Частично документальные материалы хранятся в семье Инфантьева у его дочери

Борис Равдин: Борис Федорович выступал на суде, который шел в Германии над военными преступниками из Латвии. Должны сохраниться протоколы судебных заседаний, материалы предварительного следствия. Б.Ф., он рассказывал мне об этом, выступал одним из экспертов на предварительном следствии по делу Юрия Ивановича Абызова, середина 1950-х гг. Давал экспертную оценку материалам, в основном частушкам, изъятым на обыске у Юрия Ивановича. Следствие квалифицировало эти материалы как порнографические. Юрий Иванович настаивал на том, что эти материалы имеют фольклорный характер. Комиссия дала такую оценку — материалы являются фольклорными, но советскими учеными не изучаются. Где могут храниться документы? Так как суда не было, думаю, что и следственного дела также нет. Копии выписок по предварительному следствию хранятся и у меня...

Елена Матякубова: Сергей Александрович,

вы знаете, что дочь большую часть семейного архива передала в староверческое общество Латвии. Архив таким образом хранится в староверческом обществе. Он описан поверхностно, непрофессионально. К сожалению, Илларион Иванов не смог участвовать в сегодняшних Чтениях, он более подробно рассказал бы о проведенной ревизии архива. Я переговорила с Ириной Маркиной, директором программы «Управление культурой» Балтийской Международной Академии, и Людмилой Спроге — заведующей отделением славистики филологического факультета Латвийского университета. На сегодняшний день планируется дать студентам как исследовательскую работу полное описание архива Б. Инфантьева.

Если мы делаем сейчас попытку обобщить какие-то материалы по биографии Б. Инфантьева, то тогда целенаправленно надо рассматривать биографические источники, пока параллельно будет идти серьезная работа по архиву.

Арнольд Подмазов: С Б. Инфантьевым я соприкасался только в последние годы его жизни, когда в рамках староверческого общества проходили семинары. Борис Федорович был председателем, а я секретарем этих семинаров. Надо сказать, что семинар при центре «Веди», начавшийся, кажется, с 1993 г., сам себя изжил. Он замыслился не как просветительский, а как организационный семинар, на котором обсуждалось, что делать, какие конференции провести. Главный результат семинара в том, что по разработанному на нем программам прошел целый ряд конференций.

Для Бориса Федоровича старообрядчество было далеко не первостепенной темой, но он эту тему знал почти досконально. Я вместе с ним был редактором двух больших тематических сборников, он как редактор обращал внимание на очень тонкие вещи. На последнем конгрессе по риторике он выбрал тему выступления — спор двух или трех рижских начетчиков с протестантским теологом. Для непосвященного рассказ не производит никакого впечатления. Собрались начетчики и поспорили с протестантским богословом. Но Борис Федорович увидел в тексте особенности быта того времени, менталитета и т.д. В тексте использовано обращение к начетчику «старчик», а не «старче». Старче — это старец, почти духовный мастер, а старчик — уничижительное название... Это всего лишь один эпизод, который сейчас могу вспомнить.

Труды трудами, а у Бориса Федоровича их было более 500, но была еще такая деятельность как редактирование, методическая по-

мощь, совершенно необходимая для подготовки серьезных академических сборников.

Сергей Мазур: А известен ли дом, в котором родился Борис Федорович Инфантьев? Первый период, т.е. детство, связан с Резекне. В автобиографическом очерке большая часть воспоминаний посвящена церковной тематике. Но староверческие молельни маленький Борис не посещал, т.к. они находились далеко от его дома.

Анатолий Ракитянский: Надо обратиться к семье, также должны знать дом Инфантьева резекненские краеведы, прежде всего историк старообрядчества Латгалии Владимир Никонов. Не следует забывать, что Борис Инфантьев работал долгие годы в рижской православной семинарии.

Сергей Мазур: Борис Федорович очень плохо отзывался о православной семинарии.

Анатолий Ракитянский: Б. Инфантьев часто шутил, что он — атеист. И это он говорил с серьезным видом. Попробуй определи, где правда, а где вымысел.

Арнольд Подмазов: Позвольте рассказать один факт из биографии Б. Инфантьева. Борис Федорович неоднократно упоминал, что когда-то по поводу И.Н. Заволоко от ленинградских исследователей пришла петиция с просьбой помочь решить вопрос о его пенсии. Вице-президент Академии наук Латвийской ССР, академик АН ЛатССР П. И. Валескалн не знал о Заволоко ничего и попросил Инфантьева дать пояснительную справку об этом человеке. Одновременно то же самое задание он отправил в наш институт, и оно попало ко мне и к уже покойному З.В. Балевицу. Мы написали. И наш ответ Валескалну пришел вместе с запиской Инфантьева. Борис Федорович расписывает, какой большой ученый Заволоко. Мы тоже написали о Заволоко как о большом ученом с просьбой повысить пенсию. Правда, из наших усилий ничего, к сожалению, не получилось.

После этого эпизода прошло много времени. Мы вынуждены были переезжать из одного места в другое. Я недавно разбирал какие-то свои бумаги и нашел ответ на запрос Валескална. Там из двух страниц машинописного текста сохранилась лишь последняя страница, то что я обнаружил. Там ссылка на письмо и разъяснение Инфантьева. Мы там хвалим, хвалим Заволоко. Дальше наша фраза — «...нужно отметить,

что многоуважаемый товарищ Инфантьев относительно оценки Заволоко допустил одну ошибку. Заволоко к атеистической пропаганде, как пишет Инфантьев, никогда не привлекался». *(Громкий смех...)*

То есть Борис Федорович настолько хвалил Заволоко, что приписал ему лишнее, чего никогда вообще-то и не было, как мы знаем.

Борис Равдин: Боюсь, что сбор материалов, посвященных Борису Федоровичу Инфантьеву, грозит неожиданностями, которые не так легко будет объяснить. Я думаю, что он из презрения к государственной идеологии мог в бумажном виде такую хвалу им воздать, что придется почесать всем нам в затылке.

Сергей Мазур: Борис Анатольевич, вы специально занимаетесь немецким периодом в истории Латвии. Где могут сохраниться документы, рассказывающие о Борисе Федоровиче?

Борис Равдин: Трудно сказать, еще труднее найти. Много погребено, какие-то бумаги того времени сохранились в Риге, но, в основном, искать надо в Германии, хотя — что найдем, что может найтись? Думаю, какие-то формальные сведения, не более. Что мы хотим получить из биографии Бориса Федоровича? Мне кажется, что его биографию никак нельзя оторвать от времени, в котором он жил. Потому что его биография — это история времени, — оно его накрывало, укрывало, подавляло, эксплуатировало и Бог знает, как с ним обходилось. Повторюсь, Б.Ф. относился ко времени индифферентно, но время отнеслось к нему довольно пристрасно, в соответствии со своими корыстными интересами. Что мы хотим получить в итоге? Биографию человека или биографию человека, отраженного во времени? Что?

Игорь Ватолин: У меня краткая реплика. У меня есть аудиозаписи бесед с Борисом Федоровичем, которые не были использованы в газете. Их я могу распечатать и предоставить для публикации в Альманахе. Поэт В. Маяковский сказал — я поэт и тем интересен. Борис Федорович был исследователь русской культуры и тем был интересен, в этом его биография. Тут начинается самое интересное. Во-первых, насколько деятельность Б. Инфантьева как исследователя является значимой и важной? Для русских Латвии, тех, кто его знал — несомненно. Он локализовал универсальные знания или он совершил какие-то открытия? Это может сказать

только фольклорист. Это вопрос, кого можно привлечь к экспертизе наследия Б. Инфантьева, когда оно будет собрано. Другой вопрос, насколько будет истинна любая экспертиза? Другой момент, когда ты упомянул ректора РГГУ Е. Пивовара с его концепцией о Русском зарубежье как России-2 — это методологический и рефлексивный момент в этой ситуации, что биография всегда пишется из потребностей времени. Одно дело, собрать материалы позитивистски и опубликовать. Но возникает вопрос, а зачем? Это вопрос о смысле, вопрос о социальном заказе на написание биографии Б. Инфантьева. В рамках какого проекта востребован образ Б. Инфантьева и его наследия? Мы не сможем ответить на этот вопрос, пока не поймем, что такое Латвия и что такое русская Латвия вообще. В рамках проекта Е. Пивовара, согласно которому все, кто говорят на русском языке — россияне, даже если по тем или иным причинам оказавшиеся в рассеянии. Сакральный центр — в Москве, в который всех, кто в рассеянии, туда влечет (в этом смысл проекта «Россия-2»), тогда как Б. Инфантьев с его мультикультурностью и сложностями биографии мало интересен. Если мы говорим о другом проекте, если мы говорим о том, что есть альтернативная русскость, которая не сводится к концепции российского рассеяния... Да и сколько надо прожить в рассеянии, чтобы приобрести самобытные черты? Вот в таком измерении биография Бориса Федоровича может стать смыслообразующей, а он культовой фигурой, патриархом альтернативной русскости вне России в русской Европе или в русской Латвии.

Елена Матякубова: Для меня существенный вопрос, зачем мы с вами это делаем? Есть ли у нас определенный политический, этический, педагогический, общественный заказ на эту работу или это порыв души отметить незаслуженно забытого человека? Тоже считаю, что на этот вопрос ответить надо тем, кто разрабатывает эту деятельность. Я сейчас начну задавать провокационные вопросы. На одном из Советов семинара разразился спор между Павлом Тюриным и Гарри Гайлитом. Гайлит утверждал, что Инфантьев не заслуживает внимания гуманитарного семинара, но с ним не соглашался Павел Тюрин. То есть у людей сложились разные оценки Бориса Инфантьева. Неоднократно у специалистов Латвийского университета просила дать оценку Б. Инфантьеву, признаюсь, каждый раз получала разную оценку значимости его научного вклада. Поэтому при экспертизе оценки могут быть неоднозначными. Еще

один аспект. Личностью, научным наследием, биографией Инфантьева занимается несколько групп. В этом году посмертно Борису Федоровичу вручена премия 2009 г. «Признание». Балтийская Международная Академия решила поддерживать семью Инфантьева, также учредила стипендию имени Инфантьева и конкурс студенческих научных работ. Другое — это деятельность староверческого общества, которое тоже возложило на себя определенную миссию, связанную с архивом Б. Инфантьева. Третья фигура — это Сергей Мазур, который на своих семинарах также раскрывает данную тему. Не имеет ли смысла координировать действия по изучению творчества Б. Инфантьева? Мы делаем общественно важное дело, т.к. личность Инфантьева остается кросс-культурной по своему характеру. Показательно выступление Бориса Равдина, когда он задает вопрос, насколько реализовал свои жизненные цели Б. Инфантьев?

Сергей Мазур: Позвольте по этому вопросу изложить собственное мнение. Мне представляется замечательным явлением наличие хоть каких-то групп в Латвии, причем разных групп, занимающихся собиранием наследия Бориса Федоровича. Споры могли бы возникнуть в ситуации финансирования проекта сохранения наследия Б. Инфантьева. Тогда деятельность групп можно было бы изобразить как конкуренцию, борьбу за денежное вознаграждение. У нас нет такой ситуации, т.к. изучение наследия Бориса Федоровича — добровольное и безвозмездное дело. Почему для меня важен сегодняшний семинар? Потому что тема сохранения наследия Б. Инфантьева должна оставаться актуальной. Сама встреча, споры показывают актуальность наших усилий. Каждый работает с теми материалами, которыми располагает. Никто не заменит и не выполнит работу за Олега Пухляка, не будет описывать докумен-

ты в архиве, оказавшиеся в староверческом обществе Латвии. Наши встречи могут проходить под любой эгидой — SEMINARIUM'a или под эгидой БМА. Но главное в том, чтобы беспмятство не заслонило образ Бориса Федоровича Инфантьева. Конечно, образ Бориса Федоровича будет «работать» на тот проект, о котором беспокоится Игорь Ватолин, т.е. указывать на самобытность, богатство русской культуры в Латвии. Несмотря на то, что существуют разные оценки наследия Бориса Федоровича, для меня он останется прежде всего моим учителем, которого я хотел бы помнить очень долго, личностью, до момента смерти соединявшей два разных поколения русских людей в Латвии — одних, живших в Первой республике, других — живущих ныне, в том числе он был чуть ли не единственным исследователем русско-латышских культурных связей. Его последний труд «Миф о русских в латышской литературе» до сих пор не то, чтобы оценен, но не прочитан даже по отдельным публикациям в Альманахе. Борис Федорович — первый русский профессиональный фольклорист. Вспомним фрагмент из его автобиографии. Во время войны в Латвийском университете Борис Федорович получил благословение на дальнейшую академическую деятельность от профессора Лудиса Берзиня, ассистента профессора Карлиса Дравиньша, обратившегося к Инфантьеву во время занятий со следующими словами: «На нашем семинаре побывали и литовцы, и немцы, и евреи, русские же — впервые. Поэтому пусть ничем я не планирую в дальнейшем заниматься, как изучением русско-латышских фольклорных контактов». Проблему я вижу в том, что при жизни первые серьезные статьи по фольклору Борису Федоровичу удалось опубликовать лишь в очень преклонном 75-летнем возрасте. Хотелось бы, чтобы после смерти нашего выдающегося соотечественника его наследие не было бы предано забвению.